

№197 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Матерщина как выражение пароксизма чувств

Наверное, все Вы слышали анекдот о том, как двух сантехников пригласили в детский сад отремонтировать водопровод. И вот прежде, чем приступить им к работе, директор строго-настрого предупреждает их, чтоб ни единого матерного слова: дети малые вокруг, смотрите, узнаю – выгоню без выходного пособия. «Что вы, что вы, - отвечает сантехник Вася, - мы вообще не ругаемся. Вот вчера, например, я в школьном туалете варил стык трубы вверх под потолком, а Федя снизу эту трубу подерживал. И вот, нечаянно окалина - капля расплавленного металла - упала прямо Федю за ворот. И что, вы думаете, он мне сказал? «Вася, ты не прав, мне же больно!»

Абсолютное большинство нормальных людей хочут с этого анекдота, но вопрос – почему? Что неправильного было сказано Федей? Ему, ведь, и на самом деле было больно. И Вася был действительно неправ – если он находится сверху и просит Федю придержать трубу, чтобы прихватить её сваркой – газовая горелка, ведь, в ЕГ О руках, и ЕМУ же виднее, куда сейчас расплавленный металл будет капать. Смешит нарочитая **неадекватность ситуации** форме её выражения. Представляет, что человек чувствует, когда ему за шиворот попадает расплавленный металл? Ощущения очень яркие, причём, это же случилось не на войне и не на пожаре, а так, по головотяпству напарника. И что в такой ситуации вертится на языке человека, просто нормального? Не члена дворянского собрания и не ханжи-интеллигента - мол, «достойный Василий Петрович, вы, конечно, меня простите, но, рискуя Вас смутить, скажу Вам откровенно, Вы не совсем правы!»

Так вот, почему нам смешно, когда мы воображаем такую сверхделикатную развязку в подобной ситуации?

Мы чувствуем её нелепость.

Или Вы пригнали на стоянку совершенно новенький автомобиль, о котором мечтали полжизни - деньги копили, кредит ещё на Вас висит большой. И тут неаккуратный владелец «горбатого Запорожца», выезжая с места стоянки, продирает весь бок вашего блестящего «LEXUSA».

Неужели Вы скажете ему: «Уважаемый мужчина, как же это Вы так неаккуратно выезжаете, неосторожно? Видите, теперь вся дверца моей машины помята, и крыло всё процарапано. Это же нехорошо так с Вашей стороны поступать!»

Согласитесь, подобная реакция может быть только у психически ненормального человека. По **таким** словам психиатр может сразу определить больному диагноз и назначить ему лечение.

Таким образом, мы с Вами продолжаем тему последних наших седмичных размышлений в рамках темы «Ненормативная лексика». В прошлый раз мы уже рассмотрели с Вами три мотивации употребления людьми матерных слов и выражений. Что движет людьми, в разговорах которых мы слышим грубые, непечатные слова?

Как мы уже говорили с Вами, самая массовая категория матерщинников – это люди, жаждущие окатить окружающих грязью. **Есть** такой вид удовольствия, который практикуют люди крайне низкого уровня развития. Достаточно мерзкий тип – в общественном транспорте или на остановке стоит и во весь голос матерится – тут женщины, дети, а ему того и надо.

Вторая мотивация - использовать матерные слова, как мы отмечали с Вами, чтобы засвидетельствовать свою идентичность определенному социальному слою. Бранное слово в этом случае выступает в качестве пароля – мол, свой я, ребята, свой – такой же пролетарий, простой мужик, как и вы – принимайте!

Третий повод вернуть скверное словечко, как мы подчеркивали с Вами, чаще случается у людей достаточно высокой культуры и морали, душевно тонких. Встречаются некоторые интеллектуалы, которые иногда с удовольствием используют нехорошие словечки, так сказать, в знак протеста против ханжества. Ну, очень противен им вот этот птичий язык: «будьте так добры», «извольте», «простите», «не помешал ли я Вам», «мой любезнейший», «пользуйтесь мною, как хотите» и т.д. И вот, при случае вернуть грязное словечко даже очень не против вполне приятные, хорошо воспитанные люди. Конечно, не при женщинах или детях. Но так, иногда, чтобы растолковать себя с занудными псевдоинтеллигентшиками.

Ну и четвертая мотивация – это инстинктивная тяга к адекватности. Ну вот, представьте ещё одну ситуацию – вы купили дорогой набор посуды с тефлоновым покрытием – кастрюльки, сковородки антипригарные, джезвы, в общем, полный комплект. И вот приезжает к вам тётя Мотя из Нюхаловки погостить на пару дней. На следующий день Вы отправляетесь на работу, а Матрена, оставшаяся на хозяйстве, качая головой и браня в душе за неопрятность Вашу жену, решает продемонстрировать свои лучшие трудовые качества и принимается за чистку Вашей тефлоновой посуды. Вернувшись домой, Вы с ужасом видите чистенькие, блестящие металлическим отливом доньшки Ваших сковородок и кастрюлек.

Правильнее, конечно, в таком случае, промолчать, потому что, пользуясь литературными словами, адекватно выразить чувства, у Вас, скорее всего, не выйдет, и Вы расстроитесь ещё больше, ощущая своё бессилие, даже словесное. А материть свою тётюшку неприлично, во-первых, потому что она женщина. Во-вторых, в кои веки решила у Вас погостить.

Дело здесь, конечно, не в том, что ТЁТУШКУ «по матери» бранить нельзя, а дядюшку - можно. Бранить, по большому счёту, никого не полагается – Христос в нагорной проповеди запрещает даже дураками называть своих ближних. Но это ведь не значит, что глупцов на свете нет. Другое дело, квалифицировать кого-то безумцем, это большая ответственность. Христос то **мог** фарисеев змеиным отродьем и расписными гробами величать – эти эпитеты, между прочим, пообидней звучат, чем то же евангельское словечко «рака», т.е. «пустой человек», за оскорбление которым, по слову Иисуса, полагается суд синедриона. И Христос иногда употреблял крепкое слово не потому, что Ему это было можно, а нам - нельзя, а потому, что Господь не мог быть неадекватным. Если тогдашние фарисеи были гадами, то Господь их так и величал - по змеиной матери. Так же поступал и величайший из людей, когда бы то ни было на белый свет рождённых – Иоанн Креститель.

Это, конечно, вовсе не означает, что если мы хотим быть адекватными, увидев уroda, мы должны кричать об этом всем, встретившись с идиотом, сообщать ему о сем факте.

Есть такая замечательная добродетель – молчание. Золотом называют способность человека промолчать, когда следует. Молчание – это мощная на самом деле штука – у отцов-аскетов – первый подвиг.

Посему, промолчать, когда хочется выругаться – это лучший вариант. Но ни в коем случае нельзя лгать – «да ну, ерунда, мелочи». Это будет лицемерием. Да - благочестивым лицемерием, вежливым, интеллигентным, но всё же - лицемерием. Если разбили твою любимую чашку, и тебе её жалко до слез, да, ты можешь промолчать и не выплеснуть эмоции, которые клокочут внутри тебя. Но расшаркиваться, что, мол – ерунда, на счастье, если для тебя это горе – сие будет попыткой двоедушия, состоянием жизни с двойным дном. **Пагубное** на самом деле для души такое состояние. Потому что, чем чаще и больше ты будешь практиковать такую двойственность – думать одно, а говорить другое – тем глубже будут трещины в твоей душе, которые, в конечном итоге, могут расколоть личность на части, мультиплицировать твою индивидуальность, лишит тебя целомудрия. Целомудрия в изначальном смысле этого слова, т.е. целостности, нерасщеплённости, полноценности.

Любой из Вас может справедливо возразить – ну а если великому святому, который уж точно не страдает двоедушием, сделать пакость – он же не будет отвечать словесной бранью на Ваше зло, тем более, употребляя ненормативную лексику. Ну, вот было такое – Серафиму Саровскому: в лютую северную зиму монашеская братия печь сломала в его келье. Представляете, на дворе мороз минус сорок, преподобный приходит в свою комнату, а там печи нет.

Ну, в таком случае вообще нет смысла хоть как-то реагировать – любая реакция только потешать злодеев будет. Это любому понятно, даже последнему матерщиннику.

Но главное здесь в другом. По-настоящему святой человек, он – сплошная любовь и доброта. Ему не надо скрывать обиды, потому что их у него попросту нет. Он может, подобно Христу, распятому на Кресте, молиться: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят» (Лк. 23, 34). Или, подобно Иову Многострадальному, который, лишившись всего, «пал на землю, поклонился Богу и сказал: наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращаюсь в землю. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов. 1, 20).

Но Иов был святым человеком, он не кривил душой, слова эти он говорил искренне. Ну а если у тебя трясушка, ты побагровел от злости, но изо всех сил натягиваешь улыбку и выдавливаешь из себя ласковые слова – хорошего в этом мало.

О. Иоанн: «На моих глазах распались семьи, зачастую не потому, что муж жену называл не по отчеству, а по матери, и не потому, что жена швыряла в мужа тарелки. Как это ни парадоксально прозвучит, тип семей, где жена может выдрать у мужа клоки волос, а тот – с балкона вышвырнуть ее любимое платье, более прочные. Потому что они адекватны. Ежели кому чего не нравится, он скрывать этого не будет. В такой семье всё по слову Христа, Который сказал: «да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5, 37). А вот там, где всё с терпением и улыбкой – жди беды. Представляете, она безобразничает, а он терпит, она хамит, а он молчит, улыбаётся. И так месяц, год, два, пять, а, может, и десять. Зато потом, как рванёт – как триста тонн тротила – от семьи не остаётся даже ошметков».

Благочестие развивать в себе, конечно, надо. Но именно благочестие, а не благоглаголанье. Если разбили твою машину, и ты действительно дорос до понимания того, что всё под Божиим контролем, и, в конечном итоге, всё – к лучшему, коль Бог попустил эту скорбь, значит, так надо – для моего же блага. Ежели ты это понимаешь умом и принимаешь сердцем, вот тогда действительно в твоих устах будут уместны слова праведного Иова: «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно отныне и до века».

Домникия Гаврическая

продолжение

Через некоторое время власти решили Екатеринбургский собор отнять у верующих и превратить в музей (1962). Располагается это церковное здание на территории древней крепости, ныне – в парке им. Комсомола. В самом храме находится гроб Потемкина, на котором – мраморная плита с бронзовыми венками от городов, которые он освободил от турков, а также – кресло и балдахин Царицы Екатерины, где она за богослужением находилась, оплакивая своего любимца. Вокруг храма много могил с мраморными плитами полководцев, освобождавших наш край от турецкого ига. Общину Екатеринбургского собора местные власти решили присоединить к Всесвятской кладбищенской общине.

На вопрос Матушке, что делать и где искать защиту, чтобы спасти храм, матушка отвечала: «Я дурна, забита баба, а ви мене питаєте? Спасайтесь, хто як може, тепер наставників нема, їх посудили і позамучували»... На вопрос о. Михаила, куда ему самому деваться и что предпринимать, матушка велела положиться на волю Божию, а Он сам все управит.

Без храма о. Михаил не остался, его назначили настоятелем в Кладбищенский Всесвятский храм, а местного о. Анатолия – вторым священником. На новом месте было все относительно спокойно, как выразился Блошица: «Тишь и гладь, и всюду – Божья благодать». Хор Екатеринбургского собора пел поочередно с хором Всесвятской церкви.

На следующий год вышло новое распоряжение местных властей: запретить священнослужителям совершать панихиды на кладбище – только в хра-

мах. Но на «проводах», по традиции, народ устремился с панихидами на кладбище, а там – ни одного батюшки. Весь город устремился в кладбищенский храм отслужить панихиду, а затем – и помянуть у могилки! Для о. Михаила Блошицы, о. Анатолия и протоиерея Иоанна Капранова нагрузка была непомерной. Но была сугубой и награда. Пожертвованными, которыми народ жаловал священников, надолго хватало, чтобы жить без всякой нужды. Вспомнился Матушкин хлеб и букет цветов, которыми она благословляла о. Михаила на новое место служения. Пожертвования так же позволили произвести капитальный ремонт храма – наружный и внутренний, разве что покрасить пол и панели не хватало краски. В день очередного праздника староста с казначеем зашли в алтарь и попросили о. Михаила, как настоятеля, обратиться к молящимся с просьбой, чтобы те пожертвовали на окончание ремонта. Блошица в тот же час обратился к народу, объяснил нужду и попросил откликнуться с усердием. Народ щедро жертвовал, и храм был отремонтирован в ближайшие дни. Все было довольно и радостно.

А через неделю заходит к Михаилу одна женщина с гостинцем от Матушки Домочки и вручает ветку, густо усеянную мелким горьким перцем. В испуге он – сразу же на теплоход – к Матушке. Домочка встретила его обычно. Он – сразу же ей вопрос: «Матушка! Вы мне перец горький передавали?» А она ему: «А ти його вже з'їв? Так я дам насіння, щоб посіяв, та і на той рік мав, а якщо города не маєш, то я у себе посію і тобі дам, щоб мав».

Вскоре о. Михаил вновь вызывает уполномоченный явиться к нему с регистрационной справкой. С самого порога – наорал на священника: «Вы знаете, что Ваша сторона только богослуженная! Вы что, не знаете, что Вы не имеете права вмешиваться в хозяйственные и финансовые дела церкви! За нарушения законодательства о культурах у Вас снимаю с регистрации и удаляю из своей области. На Херсонщине Вам больше места нет, а в другой – Вас никто не примет!» Блошица пытается ему объяснить, что в хозяйственные дела прихода он не вмешивался, а только объявил верующим о нужде, о чем его попросили староста и казначей.

На это уполномоченный стал кричать еще в большем исступлении: «Пусть церковники меньше воруют, меньше по карманам суют, тогда и на ремонт бы хватало. А Вы – попрошайничаете у верующих, и тем самым даете возможность все больше набивать карманы церковному правлению. Все, хватит! Всем этим ты сам себя и наказал!». На какую-то минуту уполномоченный утих, по всей видимости, чтобы перевести дыхание. А священник поднял на него глаза и с кротостью произнес: «Простите, пожалуйста, мой грех, да и Бог простит вам ваши погрешности». Уполномоченный почему-то вздрогнул от этих слов. Какое-то замешательство было в его лице. Быть может, ему показалось, что о. Михаил действительно знает все его грехи.

Минута паузы была для священника минутой особо напряженной молитвы Господу. Вдруг уполномоченный вскопчил на ноги, протянул дружелюбно Блошице свою руку и сказал: «Ладно, прощаю!» Держа за руку о. Михаила, уполномоченный продолжал: «Но чтобы эти деды не толкали больше Вас на такое преступление, я сейчас же позвоню секретарю Митрополита, пусть он Вас освободит от настоятельства этого храма». Уполномоченный тут же соединяется с секретарем Херсонской Епархии о. Трофимом и кричит в телефонную трубку: «Вот у меня сидит настоятель Всесвятской кладбищенской церкви Михаил Блошица. Кто дал ему право вмешиваться в церковно-хозяйственные и финансовые дела?!»

Трофим Лютый соглашается, что священника касается только богослуженная сторона, на что уполномоченный продолжает: «А его там деды подговорили, чтобы он попрошайничал на ремонт храма. И в храме он держал речь не богослуженную, а хозяйственную. Так вот, я его хотел из области удалить, но ради его просьбы и раскаяния, я предлагаю Вам взять его в Свято-Духовский собор. Пока оформите ему командировку, а Митрополиту рапортуйте, чтоб дал ему Указ о назначении на новое место».

Вспоминать и рассказывать об этом просто, но жить с постоянным страхом, что тебя в любой момент лишат права священнослужения, причем, не церковные, а светские власти – это тяжело. И не раз приходил на ум Матушкин горький перец.

Продолжение жизнеописания Домникии, составленного Владыкой Дамцианом – в последующих номерах «Седмицы»

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv> Листочек передайте, кому сочтете нужным